

ЛІТЕРАТУРА

1. Климентова О. В. Творчість Олени Теліги та літературно-культурологічна ситуація «Празької школи»: [монографія]. / Олена Вадимівна Климентова – К.: Видавництво ДУИКТ, 2009. – 166 с.
2. Костикова А. А. Гендерная философия и феминизм: история и теория [Электронный ресурс] // Бібліотечний вісник – 2003.
3. Павличко С. Дискурс модернізму в українській літературі : [монографія] / Соломія Павличко. – К. : Либідь. – 1997. – 360 с.
4. Павличко С. Теорія літератури / Соломія Павличко [упоряд. В. Агеєва, Б. Кравченко]. – К. : Основи. – 2002. – 679 с.
5. Павличко С. Фемінізм / Соломія Павличко [упоряд., передм. В. Агеєвої]. – К. : Основи, 2002. – 322 с.
6. Петришина Л. Гендерні тенденції українського національного руху ХІХ – початку ХХ століть // Пошуки гендерної паритетності: український контекст: [монографія / упорядник та загальна редакція І. Грабовська]. – Ніжин: Видавництво НДУ ім. М. Гоголя, Д. С. Міланік, 2007. – С. 25.

УДК 82...А/Я.06 (07)+82(09)+81

Афанасьєва С.И.
(Симферополь, Украина)

КРЫМСКИЙ КОНТЕКСТ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ДОЭМИГРАЦИОННОМ ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

У статті досліджується кримський контекст реалізації концепту «дім» та його ключові субконцепти в доеміграційній поезії М. Цветаєвої.

Ключові слова: М. Цветаєва, субконцепт, кримський контекст.

В статье исследуется крымский контекст реализации концепта «дом» и его ключевые субконцепты в доэмиграционной поэзии М.Цветаевой.

Ключевые слова: М. Цветаева, концепт, субконцепт, крымский контекст.

In this paper the author investigates the Crimean context of the concept «house» and its key subconcepts in the poetry by Marina Tsvetaeva.

Key words: Marina Tsvetaeva, subconcept, Crimean context.

Интерес к литературе первой волны русской эмиграции, усилившийся в последние десятилетия, вполне закономерен: с утратой нравственных и духовных ориентиров, многочисленными случаями отъезда наших соотечественников за рубеж вопросы родины и изгнания, дома и бездомья оказываются в центре внимания как исследователей, так и широкой читательской аудитории: в словах давно ушедшего поколения, во взгляде

© Афанасьєва С.И., 2012

из эмиграции чувствуется та правда об истории, в которой так нуждается современное общество.

Несомненный интерес с этой точки зрения представляет особый художественный мир М. Цветаевой, одной из самых противоречивых и самобытных поэтесс, оставившей яркий след в русской литературе начала XX века.

Литературное наследие М. Цветаевой стало предметом изучения в ряде фундаментальных и исследовательских работ как в лингвистическом (Н.Г. Бабенко, И.Ю. Белякова, Н.Г. Гольцова, В.В. Жильцова, Л.В. Зубова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина, О.И. Северская, Д. Таубман, К.Э. Штайн и др.), так и в литературоведческом аспекте (В.Ю. Александров, С.А. Безменова, С.А. Гаспаров, Т.Н. Гурьева, С. Ельницкая, О.А. Клинг, Е.Б. Коркина, Г.Т. Петкова, А.А. Саакянц, М.В. Серова, Е.К. Соболевская и др.).

В рамках современной парадигмы лингвистического знания концепт «дом» в творчестве М. Цветаевой рассматривается в диссертационных исследованиях С.Р. Габдуллиной «Концепт ДОМ/РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (Сопоставительный аспект)» (2004), О.А. Фещенко «Концепт ДОМ в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических произведений)» (2005).

Вместе с тем, несмотря на неугасающий интерес ученых к творческому наследию этого автора, когнитивный аспект поэтического наследия М. Цветаевой в литературоведении остается на периферии исследовательских интересов. Разделяя мнение доктора филологических наук, профессора О.В. Резник, считаем, что использование концепт-анализа в литературоведении позволяет не только определить индивидуальную мировоззренческую позицию автора, но и «структурировать самый разнообразный материал, описать специфику индивидуально-авторского мироощущения, реализованного в тексте» [1: 93].

Цель статьи – исследование крымского контекста реализации концепта «дом», выявление ключевых субконцептов в поэзии Марины Цветаевой доэмиграционного периода.

Будучи стержневым элементом в понятийном аппарате человеческого сознания, концепт представляет собой универсальное явление сложного характера. С учётом того, что в современной науке существует несколько определений понятия «концепт» (А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачёв, Д.С. Лихачёв, Е.С. Кубрякова, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов), нами в качестве рабочего определения использовано понимание концепта как многомерного ментального образования, которое представляет собой составную часть культурной памяти любого объёма и является выражением индивидуальной мировоззренческой позиции автора. Разделяя мнение исследователя И.В. Постоловой, что «именно субконцепты обеспечивают вариабельность главного концепта» [2: 1], считаем также актуальным и значимым выявление ключевых субконцептов главного концепта «дом» в поэтическом дискурсе М. Цветаевой.

Дом в значении «жилище», «защищенное, укромное пространство» в творчестве М. Цветаевой раннего периода (1906-1914) эксплицитно реализуется в стихотворениях «Наши царства» (1909-1910), «Книги в красном переплете» (1908-1910), «Домики старой Москвы» (1911), поэме «Чародей» (1914) и др.

Родительский дом для лирической героини – «рай детского житья», «золотые времена», где царит атмосфера любви и понимания, где верные друзья-книги открывают

девочке-подростку целый мир. В стихотворении «Книги в красном переплете» читаем: / Дрожат на люстрах огоньки... / Как хорошо за книгой Дома! [3: 35]. Мир детства – это не только царство «вечных» книг, но и чарующие звуки музыки, с детства окружающие лирическую героиню: Шуман, Григ, Кюи. Книги и музыка – две важные духовные составляющие концепта «дом» в значении «защищенное, закрытое, обжитое пространство». Родительский дом для юной поэтессы – это детская, передняя, гостиная, кабинет, «манящий зал» (зала), мезонин «всегда весенний, золотой» [3: 335]. Несущие яркую эмоциональную окраску эпитеты «весенний», «золотой» создают атмосферу покоя, безмятежного счастья, романтического мировосприятия. Границы этого защищенного пространства четко очерчены: ворота, дверь, «синие окна», ставни, свой порог. Притяжательные местоимения «свой», «наш» («наш старый дом», «свой порог») актуализирует оппозицию «свой – чужой». «Чужое» находится вне границ родительского дома.

Вещный мир родного дома как обжитого пространства – это люстры, лампа, стул, кровать, диван, шкаф, чуело филина «с лицом кота», зеркала. Такие предметы, как книги, клавиесин, рояль свидетельствуют о насыщенной духовной жизни его обитателей.

С реализацией концепта «дом» как пространства, населенного людьми, встречаемся в стихотворениях «Маме» (1907-1910), «Мама за книгой» (1910), «Мама на даче» (1910), «Мама в саду», «После гостей» (без даты), «За книгами» (1909-1910), «Колыбельная песня Асе», «В сонном царстве» (без даты), «В пятнадцать лет» (1911) и др. Это люди, живущие одной семьей, – мать, сестра, отец, родители, старшие (няня, экономка).

Родительский дом детства и отрочества двух сестер Цветаевых – это место внутренней свободы, своеобразный мир со своими ценностями, традициями, понятными только обитателям этого дома. Вряд ли для кого-то из посторонних может быть интересен «ворох тетрадок», «площице шарманок, картонных кукол и зверей, полуобгрызанных баранок, календарей, неписуемых коробок, с вещами не на всякий вкус, пустых флакончиков без пробок, стеклянных бус» [3: 335] (поэма «Чародей», 1914). Дом детства – это и чувство первой влюбленности в своего гувернера, которого воображение двух романтических девочек-подростков рисует «принцем», «рыцарем», «ангелом», «демоном», и чтение стихов за чаем под уютные звуки «мурлыкающего» самовара, и прогулки по Тверскому бульвару с его удивительным «запахом от тополей», пестрой толпой, для описания которой юная поэтесса находит яркие характерные детали – «мальчик в шапочке «Варяг», «девочка с косой, как медь, в одной руке ее – ведерко, в другой – медведь» [3: 338]. Лирическая героиня и ее сестра («четыренадцать – шестнадцать лет!») восторженно воспринимают жизнь во всем ее многообразии: / Как жизнь прелестна и проста! / – Нам ровно тридцать лет обеим [3: 338].

Хорошо и уютно чувствует себя лирическая героиня и в домиках старой Москвы, которым посвящено одноименное стихотворение, написанное в 1911 г. Субконцепт «Москва» как важная составляющая главного концепта дом реализуется в значении «обжитое пространство (родной, близкий)». Домики, стоящие в скромных переулочках старой Москвы, – это «домики с знаком породы», «слава бабушек томных», доживающих свой век среди расписных потолков, «темных штор в цветах». Непременный атрибут этих домиков – зеркала до потолков, «великолепные морды на вековых воротах», «клавиесина аккорды», «взгляды портретов в упор». Они так же стары, как и их хозяйки. Поэтесса сожалеет о том, что на место этих уютных домиков, свидетелей славного прошлого, при-

ходят «уроды», грузные, в шесть этажей»: / И погибаете вы, / Томных прабабушек слава, / Домики старой Москвы [3: 43].

В стихотворении «Ах, золотые деньки» (1911) субконцепт «Таруса» (*дом, купленный в 1899 году дедом Марины и Аси по материнской линии А.Д. Мейном на берегу Оки, где летом останавливалась семья Цветаевых*) расширяет границы родительского дома, актуализирует значение «дача», «дом для отдыха», характеризующееся открытостью. Таруса – это «варенье на жаровне», «старый сад», «уголки потайные», «луга заливные», облака, идущие к Богу, холмы, «синяя», «тихая», «голубая» Ока. Сравнение летних дней, проведенных в «маленькой, милой» Тарусе, с разноцветными бусами, эпитеты с положительной оценкой, говорят о гармонии лирической героини с внешним миром, о чистоте и непосредственности мировосприятия. Дом – неотъемлемая часть этого большого мира и чистого мира детства и юности.

В творчестве раннего периода, наряду с субконцептами «Москва», «Таруса», актуализируется и субконцепт «Крым», что вполне закономерно, учитывая роль и место Крымского полуострова в судьбе и творчестве Марины Цветаевой, которая неоднократно бывала в Крыму (1905 – 1906 Севастополь, Ялта; 1909 – Севастополь, Ялта; 1911 – Гурзуф, Коктебель, Феодосия; 1913 – Феодосия; 1914 – Феодосия, Коктебель; 1915-1917 – Феодосия, Коктебель). Здесь она нашла тепло и дружеское участие Максимилиана Волошина, с которым познакомилась в 1910 г. в Москве, в Коктебеле подружилась с его матерью, Еленой Оттобальтовной, многочисленными гостями и друзьями гостеприимного дома. В 1911 г. в доме Волошина Марина Цветаева познакомилась с Сергеем Эфроном и его сестрами, сюда приезжала вместе с мужем, маленькой дочерью Алей.

Крымский контекст реализуется в следующих стихотворениях: «Стать тем, что никому не мило» (Сочельник, 1913, Феодосия), «Идешь на меня похожий» (3 мая 1913), «Солнцем жилики налиты...» (15 мая 1913), «Вы, идущие мимо меня» (17 мая 1913), «Моим стихам, написанным так рано» (май 1913, Коктебель), «С.Э.» (3 июня 1914, Коктебель), «Сергею Эфрон-Дурново» (Коктебель, 19 июля 1913; 1 августа 1913), «Идите же...» (11 июля 1913), «Байрону» (24 сентября 1913, Ялта), «Встреча с Пушкиным» (1913), «Над Феодосией угас...» (14 февраля 1914, Феодосия).

Крымский локус четко маркирован местом написания художественных текстов - Коктебель, Феодосия, Ялта. Тематический спектр «крымских» стихотворений широк. Это и размышления о месте поэта и поэзии, и осмысление вечных вопросов бытия, и любовные переживания лирической героини.

Крым для М. Цветаевой – это место, рождающее вдохновение, дружбу, любовь. «Очарование прежнего Крыма пушкинских милых времен», - так поэтесса характеризует Крымский полуостров в стихотворении «Встреча с Пушкиным». Субконцепт «Крым» обеспечивает вариабельность главного концепта «дом» в значении «сакральное место», дающее силы.

Мир, окружающий лирическую героиню, радует ее золотыми лучами солнца, поцелуями ветра, яркими степными маками, стеблями дикой земляники. Поэтесса во всем ощущает магию Крыма, воспетую Пушкиным. Лирическая героиня стихотворения Цветаевой, подобно своему великому предшественнику, увлеченно познает и исследует солнечный полуостров: / Я поднимаюсь по белой дороге, / Пыльной, звенящей, крутой. / Не устают мои легкие ноги / Выситься над высотой [4: 55]. Она, как и Пушкин столетием

раньше, восхищается экзотической природой Крыма: / Слева – крутая спина Аю-Дага, / Синяя бездна – окрест [4: 55]. Крымские реалии (дребезжащая арба, маленькая сакля, тонкий кипарис, грот) помогают поэтессе победить неумолимое время, ощутить почти реальное присутствие Пушкина, с которым можно, держась за руки, бежать вниз по горе, рассказывать о своих радостях и тревогах, пристрастиях и увлечениях, не боясь быть непонятой: / Вы бы молчали, так грустно, так мило / Тонкий обняв кипарис [4: 56]. Немногочисленные, но броские портретные детали («курчавый маг», «смуглая рука») создают яркий образ живого, «южного» Пушкина, близкого и любимого Цветаевой с детства.

Субконцепт «Крым» эксплицитно актуализирует главный концепт «дом» в значении «место внутренней свободы», «сокровенное место», «рай» и в стихотворении «Сергею Эфрон-Дурново», написанном в Коктебеле. Это яркий образец любовной лирики М. Цветаевой. Сине-зеленые, серо-синие «огромные», «цвета моря» глаза мужа поэтесса сравнивает с ценными камнями аквамарин и хризопразом, которые довольно часто можно было найти в коктебельских бухтах. Этот выбор камней отнюдь не случаен и свидетельствует о том, что Марина Цветаева, как и многие гости Максимилиана Волошина, увлекалась сбором и изучением крымских минералов и довольно хорошо их знала.

Несколько идеализированный образ возлюбленного, которого лирическая героиня сравнивает с царевичем, львом, декабристом, версальцем, помогают создать и другие характерные крымские реалии: нестерпимая синева моря, брызги пены, водоросли, солнечные стрелы. Крым – это место любви, восторженного поклонения мужу, гармонии и счастья, рай: / А за спиной была пустыня / И где-то станция Джанкой... / И тихо золотилась дыня / Под Вашей длинной рукой [5].

Восприятию поэтессой Крыма как дома, рая способствовали не только древняя история полуострова и экзотическая природа, но и счастливые обстоятельства личной жизни, любовь, понимание со стороны близких людей.

Легко узнаваемые крымские реалии находим и в стихотворении «Над Феодосией угас...» (14 февраля 1914): приморский город с восточной экзотикой, генуэзские стены, крепостные валы. Древняя Феодосия (*греч. Θεοδοσία - «Богом данная»; Kefe, Кефе, Каффа*), основанная выходцами из греческого города Милета в VI веке до н. э., воспринимается лирической героиней романтически: / Над Феодосией угас / Навеки этот день весенний, / И всюду удлиняет тени / Прелестный предвечерний час [3: 48]. Этому в немалой степени благоприятствовали поездки с Волошиным в Старый Крым, походы по окрестным холмам и на Кара-Даг, посещение картинной И.К. Айвазовского, многочисленные литературные дискуссии и мистификации. Все художественно-изобразительные средства (и эпитеты «прелестный» час, «вечерняя», «весенняя» тоска, и метафоры «ветра поцелуи», «день угас») служат раскрытию внутреннего состояния, насыщенной эмоциональной жизни лирической героини. Тональность стихотворения элегическая. Лирическое произведение рождает чувство светлой грусти и сопереживания.

Это был один из самых счастливых периодов в жизни поэта и женщины. Затем последовали смерть отца, начало Первой мировой войны, частые поездки Сергея Эфрона в действующую армию с санитарным поездом, Февральская революция, забастовки, митинги.

Изменения социально-исторических условий привели к утрате концептом «дом» значения защищенного уюточного места, обжитого пространства в поэтическом дискурсе М. Цветаевой. Поэтесса, характеризуя дом, употребляет негативные характеристики:

/ Помню первый / Ваш шаг в мой недобрый дом [3: 56] в стихотворении «День угасший...» (18 декабря 1915); / И не тот уж дом твой по ночам! / И сосед твой – странно-непохож, / И за каждую спиною - нож... [3: 85] в стихотворении «По ночам все комнаты черны...» (17 декабря 1916). В художественных текстах этого периода встречаются следующие варианты концепта «дом» в значении «жилище», «строение»: дворец, палаты, чертоги, хаты, «дом-пряник». Вектор движения направлен как к дому, так и от него: / К дому подошел человек («Рок приходит с грохотом и громом...», 16 ноября 1916); / Мимо дома своего пройдешь... («По ночам все комнаты черны...»).

По-иному реализуется и субконцепт «Москва»: / Москва! Какой огромный / Странноприимный дом! / Всяк на Руси бездомный... [3: 63]. Характерными приметамы Москвы военного времени и народной смуты являются колокольный звон, рев молодых солдат в ночи, толпы нищих.

Крым, охваченный революционными беспорядками, свидетельницей которых М. Цветаева становится в феврале 1917 г. в Феодосии, в восприятии поэтессы претерпевает резкую трансформацию. Это уже не место любви, гармонии и счастья. Субконцепт «Крым» эксплицитно актуализирует оппозицию «дом-анти-дом» в стихотворении «Ночь. - Норд-Ост. - Рев солдат. - Рев волн» (1917), реализованную уже в первой строке стихотворения. Тревогой охвачен не только город и его жители, но и сама природа. Не может быть домом место, где солдаты громят винные склады, разрушают памятник царю, где царит пьяный разгул: / Гавань пьет, казармы пьют. / Мир - наш! / Наше в княжеских подвалах вино! / Целый город, топоча, как бык, / К мутной луже припадая – пьет [6]. Зловещая атмосфера беспорядков и вседозволенности в приморском городе воссоздается с помощью целого ряда изобразительно-выразительных средств: эпитетов и метафор («кровавая» луна пляшет в потоке разлившегося и текущего по канавам драгоценного вина, «ошалелые столбы тополей», «ошалелое – в ночи – пенье птиц», «рев солдат», «рев волн»), синекдохи («гавань пьет», «казармы пьют»). Эмоциональная тональность стихотворения трагическая.

Эта же тема получает развитие и в стихотворении «Плохо сильным и богатым...», написанном в этот же период под впечатлением событий в Феодосии. Всего два четверостишия, но сколько чувств и переживаний скрыто в них. Четкими выразительными штрихами поэтесса рисует картину хаоса, крушения привычных устоев жизни: / Город буйствует и стонет, / В винном облаке луна [7]. Анархия, безнаказанность солдат и матросов, опьяненных революцией, приводит к переоценке ценностей в обществе: / Плохо сильным и богатым, / Тяжко барскому плечу. Но, относясь к «барскому» сословию, поэтесса не боится достойно встретиться лицом к лицу с новыми «хозяевами» жизни: / А вот я перед солдатом / Светлых глаз не опущу [7]. Она ошибочно, как показало время и дальнейшие события, последовавшие за Февральской революцией, полагала, что защитой ей могут служить «надменность» и «бедность». Но это был только 1917 год – начало великих потрясений в судьбе России. 25 ноября Цветаева уезжает за детьми в Москву, сестра Ася и Сергей Эфрон остаются на юге. Возвратиться в Крым, Коктебель Марина Цветаева уже не смогла никогда.

Революцию, последовавшую за ней гражданскую войну поэтесса воспринимает как непоправимую катастрофу. С 1917 по 1922 годы ею написано множество лирических и гражданских стихотворений, которые впоследствии войдут в книгу «Лебединый стан»,

так и не изданную при жизни М. Цветаевой. Уход в Добровольческую армию Сергея Эфрона, отсутствие средств к существованию, безуспешные попытки устроиться на государственную службу, голод, холод, разруха, смерть от болезни в Кунцевском приюте младшей дочери Ирины, полная неизвестность относительно судьбы мужа не могли не найти отражение в творчестве: / Сижу, - с утра ни корки черствой - / Мечту такую люблю, / Что – может – всем своим покорством / - Мой воин! – выкуплю тебя [3: 119]; / Пересмотрите все мое добро, / Скажите – или я ослепла? / Где золото мое? Где серебро? / В моей руке – лишь горстка пепла! [3: 121]; / И страшные мне снятся сны: / Телега красная... / За ней – согбенные – моей страны / Идут – сыны [3: 137]. Это крик души одинокой женщины, оказавшейся в самом центре российской смуты без защиты и поддержки, в полной неизвестности о судьбах близких.

Несмотря на крайне тяжелые условия существования, поэтесса продолжает много и напряженно работать. Концепт «дом» в поэтическом дискурсе М. Цветаевой реализуется в значении «анти-дом». Это чердак-каюта, келья, кров, больницы, тюрьмы, трущоба, глухое зимовье, пещера, гнездо, могила: / О, скромный мой кров! Нищий дым! / Ничто не сравнится с родным [3: 118]; / Сижу без света, и без хлеба, / И без воды [3: 119]; / Дом, в который не стучатся: / Нищим нечего беречь [3: 129]

Говоря о домах, поэтесса дает им следующие характеристики: «головоломные», «убогие», «нищие», «бедные», «призрачные».

Оппозицию «дом-анти-дом» актуализирует и субконцепт «Москва»: / Жестокосердый в сем году июль, / Лесною гарью душит воздух ржавый. / В ушах – туман, и в двух шагах – туман, / И солнце над Москвой – как глаз кровавый [3: 134]. Эпитеты с негативной оценкой, сравнения, характеризующие Москву 1920 года, передают трагической мировосприятие лирической героини. Ощущение катастрофы становится определяющим в лирике М. Цветаевой этого периода.

Город, детства и юности, город маленьких московских домиков и великолепных церковей, место, где она была счастлива, превращается для поэтессы в ад: / - Как вал морской, Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан, / О вспененный, высокий вал морской / Вдоль каменной советской Поварской [3: 119]. Субконцепт «Москва», актуализируя оппозицию «дом-анти-дом», переплетается с субконцептом «Крым», имплицитно реализующимся в тексте в виде повторяющегося сравнения с морским валом. Навеяно крымскими воспоминаниями и другое сравнение: / И, приступом, как резвая волна, / Беру головоломные дома [3: 119]. Лирическая героиня, по воле обстоятельств, ввергнутая в пучину целого ряда трагических событий как в политической жизни страны, так и в личной, мечтает лишь об одном: / Вдоль всей Москвы - <плясуньей> длинноногой / Кружить, кружить до самой тьмы / Чтоб, наконец, у своего порога / Остановиться, дух переводя... / - И в дом войти, чтоб вновь найти – тебя! [3: 120]. Стихотворение написано 17-19 мая 1920 года. О том, что Сергей Эфрон жив, поэтесса узнает лишь в июне 1921 года. Решение об отъезде за границу, вслед за мужем, было принято без колебаний. 11 мая 1922 года М. Цветаева вместе с дочерью покидает Россию. Начинается новый этап жизни и творчества поэтессы, уже в эмиграции.

Перспективу дальнейшего исследования видим в определении способов реализации концепта «дом», ключевых субконцептов и выявлении крымского контекста в творчестве М. Цветаевой периода эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резник О. В. Типология и поэтика персонализма в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.02 / Оксана Владимировна Резник. – Симферополь, 2010. – 430 с.
2. Постолова И. В. Концепт «война» в ключе традиционализма позднего Белля (на материале произведения «Потерянная честь Катарины Блум») [Электронный ресурс] / И. В. Постолова. – Харьков : Нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2010. – 5 с. – Режим доступа : http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/VKhNU/Filol/2010_901/content/postolova.pdf
3. Цветаева М. И. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения, 1908-1941; Поэмы; Драматические произведения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. – М. : Худож. лит., 1988. – 719 с.
4. Крым. Поэтический атлас : Справ. туриста и краеведа / Сост. А. Н. Рудяков, В. П. Казарин; Авт. вступ. ст. и справ. материалов А. Н. Рудяков; Худ. В. И. Жерибор, В. И. Верещак; Ил. художников и фотографов XVIII-XX вв. – Симферополь : Таврия, 1989. – 208 с. : ил.
5. Марина Цветаева // Библиотека поэзии [Электронный ресурс] / М. Цветаева. – Режим доступа : <http://cvetaeva.ouc.ru/sergeu-efron-durnovo.html>
6. Марина Цветаева // Стихи поэтов XIX-XX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva553.html>
7. Марина Цветаева // Стихи поэтов XIX-XX веков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva631.html>